

Арктическая стратегия Китая в XXI веке: от всеобъемлющего подхода к реалиям «постфевральской Арктики»

А. К. Магомедов

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
armagomedov@gmail.com*

Аннотация.

Настоящая статья содержит ответ на вопрос, как китайский политический класс заново «придумывает» Арктику для того, чтобы: 1) консолидировать полярные концепты собственного населения; 2) манифестировать особые права Китая на Крайний Север для того, чтобы оспорить существующие арктические иерархии в сфере международных отношений. Цель работы – исследование доктринальных усилий китайских властей, направленных на продвижение интересов Китая в полярном регионе; выявление того, как Китай получает свободу действий в Арктике в «постфевральском» мире. Научная новизна: статья ставит под сомнение общепринятый тезис о том, что всеобъемлющий подход Пекина к полярному мегарегиону основан на принятой Китаем в 2018 году «Белой книге Арктики». Для того чтобы приблизиться к лучшему пониманию арктической политики Пекина, автор исследует ее малоизученный аспект – идеологическое творчество китайской политической и интеллектуальной элиты на культурной и географической почве Крайнего Севера. Материалы и методы: официальные документы КНР, тексты выступлений китайских чиновников и экспертов, данные, полученные из «первых рук» от китайских специалистов во время работы в университетах Шанхая в 2014 и 2023 годы. В качестве теоретических ориентиров, позволяющих понять новые аспекты китайской арктической политики, в настоящей статье используются познавательные модели конструктивизма и «критической геополитики». Результаты исследования. Идеологическое творчество китайских ученых, чиновников и военных подготовило официальные полярные доктрины и стратегии Китая, включая «Белую книгу Арктики». Российско-украинский конфликт, открывший в мировой политике эпоху «пост-февраля», стал моментом «стратегической возможности» для КНР. Готовность Москвы бросить вызов международному порядку делают ее естественным союзником Китая в Арктике.

Ключевые слова: Арктика, Китай, арктическая стратегия, полярная идентичность, «постфевральский Север»

Для цитирования: Магомедов А.К. Арктическая стратегия Китая в XXI веке: от всеобъемлющего подхода к реалиям «постфевральской Арктики» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 26–34.

Original article

China's Arctic Strategy in the 21st Century: From Developing a Comprehensive Approach to the Realities of the "Post-February Arctic"

Arabakhan K. Magomedov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
armagomedov@gmail.com*

Abstract: Relevance. The work provides an answer to the questions of how the Chinese political class is reinventing the Arctic in order to: 1) consolidate the polar views of its own population; 2) manifest China's special rights to the Far North in order to challenge the existing Arctic hierarchies in the sphere of international relations. The purpose of the paper is to study the doctrine efforts of the Chinese authorities aimed at promoting China's interests in the polar region; to identify how China gains freedom of action in the Arctic in the "Post-February" world. Scientific novelty: the article calls into question the generally accepted thesis that Beijing's comprehensive approach to the polar mega-region is based on the one adopted by China in 2018 the "White Book of the Arctic". In order to get closer to a better understanding of Beijing's Arctic policy, the author explores a little-studies aspect of this process – the ideological creativity of the Chinese political and intellectual elite in relation to the far North. Materials and methods: official documents of the People's Republic of China, texts of speeches by Chinese officials and experts, first-hand data from Chinese specialists while working at Shanghai universities in 2014 and 2023. Cognitive models of constructivism and "critical geopolitics" have become theoretical guidelines for understanding new aspects of Chinese Arctic policy. The results of the study. The ideological creativity of Chinese scientists, officials and the military has prepared China's official polar doctrines and strategies, including the Arctic White Paper. The Russian-Ukrainian conflict, which opened the era of "Post-February" in world politics, became a moment of "strategic opportunity" for the PRC. Moscow's willingness to challenge the international order make it a natural ally of China in the Arctic.

Keywords: Arctic, China, Arctic Strategy, Polar Identity, "Post-February North"

For citation: Magomedov, A. K. (2025). China's Arctic Strategy in the 21st Century: From Developing a Comprehensive Approach to the Realities of the "Post-February Arctic". *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(859), 26–34. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Новизна предлагаемой работы состоит в реинтерпретации общепринятого взгляда на содержание китайской арктической политики в XXI веке. Несмотря на значительное количество публикаций по данной тематике [Морозов, 2016; Сюнь Сюэнь, 2019; Kirchberger, 2016; Коньшев, Кобзева, 2017; Nykänen, 2017; Kuang, Ou, 2019; Yang, 2018; Lackenbauer et al., 2022], имеющаяся литература в массе своей воспроизводит распространенные стереотипы. В совокупности они составляют и воспроизводят общепринятую трактовку арктической политики Поднебесной в терминах «китайской угрозы», «исступленной экспансии» и «агрессивных намерений». Опасения перед «китайской угрозой» в Арктике сформулировали интеллектуальную базу многих исследований о геополитических процессах на Крайнем Севере. Основополагающий тезис сводился к неприятию китайского ревизионизма и к утверждениям о неразборчивости Пекина в выборе средств достижения своих целей в полярном регионе. С отмеченных позиций многие до сих пор рассматривают арктическую политику Китая в пугающих и алармистских терминах. Складывается впечатление, что Поднебесная назначена на роль «деструктивной силы» и «плохого парня» в борьбе за Крайний Север. Эту смесь антикитайских фобий и мифологических конструктов лучше всех высказала австралийская исследовательница

Элизабет Бьюкенан: «В гибридной модели политики Китая в Арктике совместные межгосударственные, многосторонние и экологические нарративы используются для маскировки агрессивных и непреклонных амбиций» [Бьюкенан, 2021, с. 55]. Подобные клише надолго определили массовый исследовательский тренд в отношении арктической политики Китая, при этом отнюдь не приблизив читателей к лучшему пониманию характера арктической политики Пекина.

Цель работы – исследовать идеологические и доктринальные усилия китайских властей, направленные на пересмотр существующих международных арктических иерархий и декларацию особых прав Китая на Крайний Север. В центре исследования – деятельность китайской элиты на пути создания арктической идентичности и пробуждения северного сознания в китайском обществе.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для данного исследования наиболее продуктивным с точки зрения создания нового знания являются теоретические воззрения конструктивизма. Этот подход был предложен много лет назад Николасом Онуфом в его знаменитой книге «Мир, который мы создаем» [Onuf, 2013]. Конструктивисты рассматривают структуры международной системы как продукт социальных отношений

в обществе, который формируется благодаря совместному пониманию, ожиданиям и знаниям элиты и населения.

Мы следуем канонам классического конструктивизма, в рамках которого акцент делается на взаимосвязи между государственными интересами и идентичностями. Еще одним ракурсом конструктивистского подхода, позволяющим понять новые аспекты китайской арктической политики, является поиск признания и статусно-ориентированные усилия субъектов международных отношений. Речь идет о том, что желание быть признанным, так же, как поиск статуса и престижа, имеет важное значение для построения прочной идентичности и развития [Lindemann, 2013].

Другим методологическим ориентиром исследования стала парадигма «критической геополитики» [Agnew et al., 2020]. «Критический» подход важен для нашего исследования в одном исключительно значимом отношении: в переосмыслении международных отношений как дискурсивных практик. С помощью дискурсивных практик политические интересы и эгоизмы оформляются в виде интерпретаций, сценариев, геополитических образов и картографии.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

В процессе проведения исследования был рассмотрен большой круг разнообразных материалов и источников. В работе были использованы первичные документы: арктическая стратегия Китая, тексты выступлений и заявлений китайских, российских и западных официальных лиц по вопросам внешней политики и арктической стратегии. Газетные публикации, освещающие многие аспекты деятельности Китая в Арктике, также стали ценными источниками информации. Немалый научный интерес представляют также статьи, монографии, интервью и комментарии видных китайских и зарубежных специалистов по Арктике. Данные материалы дополняются ценнейшими суждениями, полученными автором из «первых рук» – от китайских ученых во время пребывания в университетах Шанхая в 2014 году в качестве приглашенного профессора. Совместная работа над научным проектом “Cryo-Geopolitics in the Arctic Region and the Arctic Countries’ New Arctic Policies”, которая проводилась в Центре арктических и океанических исследований Университета Тунцзи в апреле – мае 2023 года, дала автору статьи возможность регулярно обмениваться мнениями с китайскими специалистами по изучаемой теме. В число этих специалистов входили

профессора этого университета: Си Липинь (XIA Liping), Ван Чуансинь (WANG Chuancing) и Пан Мин (PAN Min); а также сотрудник Центра морских и полярных исследований Шанхайского института международных исследований (SIIS) Жао Лон (ZHAO Long). Возможно, некоторые из них сочтут, что анализ, проделанный в этой статье, недостаточен. И всё же благодаря взаимодействию автора статьи с китайскими коллегами исследование заметно обогатилось.

ПЕКИН ПРОТИВ «АРКТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ МОНРО»: НА ПУТИ К ВЫРАБОТКЕ КИТАЙСКОЙ АРКТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (2007–2012)

Подробное описание задач и интересов Китая в Арктике выходит за рамки данной статьи. Тем не менее необходимо в самых общих чертах обозначить, зачем Китаю нужна Арктика. Если говорить коротко и схематично, то регион Крайнего Севера важен для Пекина с точки зрения

- 1) открывающихся морских торговых маршрутов,
- 2) инфраструктурных и логистических возможностей,
- 3) научных исследований,
- 4) доступа к разнообразным сырьевым ресурсам.

Однако куда более важно выяснить, как Китай, будучи неарктическим государством, оказался политически и идеологически изобретателен в осуществлении своих полярных амбиций. КНР из всех сил пытается стать активным игроком в процессе формирования структуры управления Арктикой, где правила игры еще не полностью определены.

Пекин крайне болезненно реагировал на любое утверждение о том, что он остается второстепенным игроком в делах Крайнего Севера. Особенно резкой была реакция Китая на Нуукскую декларацию 2011 года, смысл которой сводился к принципу «Арктика – это Арктика арктических государств». Китайцы восприняли декларацию как «арктическую доктрину Монро», направленную на установление преград на пути участия неарктических стран в северных делах [Wright, 2013]. Китай стремился к тому, чтобы его голос был услышан в дебатах по арктической политике. Ему пришлось предпринять серьезные усилия, чтобы убедить восемь арктических государств (сообщество A8) в своем статусе законного участника процессов, происходящих в регионе. Без такого признания Пекину трудно было получить в 2013 году статус

наблюдателя в Арктическом совете – ключевой региональной межправительственной организации. Одним словом, Китаю пришлось поработать над тем, чтобы создать надежную арктическую идентичность [Lanteigne, 2017]. В эту работу были вовлечены силы четырех институций: Народно-освободительной армии Китая (НОАК); дипломатического корпуса; СМИ и университетов.

При этом необходимо внести уточняющую оговорку: мы не рассматриваем вопросы, связанные с эволюцией военно-морской и океанической стратегии КНР, равно как не изучаем практическую деятельность военно-морских сил НОАК. В нашу задачу также не входит подробное исследование различных аспектов практической деятельности дипкорпуса, СМИ и университетов. Нам важно показать лишь общую позицию Китая по вопросу о его геополитических правах в Арктике. Выработка позиции Китая по данному вопросу связана с информационным и перформативным характером усилий вышеозначенных институтов. Их деятельность направлена на внутреннюю китайскую аудиторию.

Роль армии. НОАК – одна из наиболее влиятельных организаций, поэтому направление ее деятельности следует учитывать при анализе самых актуальных проблем Китая. Наиболее популярным комментатором полярных проблем как в китайских, так и в зарубежных СМИ, можно признать контр-адмирала в отставке Янь Чжуо. Многие любят ссылаться на его заявление о том, что Арктика не является достоянием прибрежных полярных государств, она принадлежит всему миру. Китай может обладать неоспоримой ролью в освоении региона, поскольку у нас проживает одна пятая часть населения мира. Эта фраза всколыхнула западные СМИ, породив многочисленные комментарии и создав подозрительный настрой в зарубежной аналитической среде в отношении официального Пекина [Wright, 2013]. Более того, как отмечает Л. Якобсон, известный специалист по Китаю, в некоторых случаях старшие офицеры НОАК в своих публичных выступлениях не исключали даже возможности применения силы в Арктике¹. Текстовый объем статьи не позволяет приводить многочисленные высказывания подобного рода других военачальников. Отметим только то, что напористая стилистика в оценках Арктики в духе всеобъемлющего «общечеловеческого» подхода воспроизводилась и в последующие годы, хотя и с меньшей энергией².

¹Jakobson L. China Prepares for an Ice-Free Arctic // SIPRI Insights on Peace and Security. 2010. March. P. 1-14. URL: <http://books.sipri.org/files/PP/SIPRIIP26.pdf> (accessed: 22.10.2022).

²Dong Yongzai. Polar Security: A New Frontier for National Security // 极地安全: 国家安 全的新疆域 Guanming Daily, 25 April 2021.

Роль дипломатического корпуса, СМИ и университетов. Аналогичная риторика нередко бывала присуща и китайским дипломатам. Например, посол Китая в Норвегии Чжао Цзюнь публично высказался в весьма откровенном и рискованном духе. Его заявление касалось многих сюжетов, начиная с того, что Китай является «почти арктическим государством», и заканчивая мыслью о том, что его страна является законным пользователем полярных водных путей [Wright, 2013, с. 8–9]. Созданием северной идентичности (изобретением «арктичности») занимались китайские СМИ, исследовательские центры и университеты. СМИ и ученые формируют взгляды, которые заставляют КПК действовать смело, защищая интересы Китая в Арктике³ [Wright, 2013]. Особое место в конструировании наступательной арктической идентичности Поднебесной занимает Китайский океанический университет в Циндао, где работает группа ученых под руководством харизматичного профессора Го Пейцина.

Громкая риторическая активность китайской стороны кажется нерациональной только на первый взгляд. На самом деле она вполне продумана. Такой информационный шум в СМИ призван довести до сведения западных обозревателей мысль о том, что народ КНР заинтересован в Арктике. Данный раздел выявляет еще один важный факт. Он заключается в следующем: интерпретировать начало арктической политики Пекина с заявлений Си Цзиньпина о том, что Китай должен стать «великой полярной державой» или с появления в 2018 году китайской полярной стратегии («Белая книга по Арктике»), неправомерно. Арктическая политика КНР берет свое начало в более ранних периодах китайской истории. Интеллектуальные и публичные усилия Китая по производству полярной идентичности по времени предшествуют приходу к власти Си Цзиньпина. Он лишь собрал воедино и сфокусировал в программных тезисах всё то, что вырабатывалось и до него.

КИТАЙСКИЙ ПУТЬ В АРКТИКУ: МОБИЛИЗАЦИЯ РИТОРИЧЕСКИХ И ДОКТРИНАЛЬНЫХ УСИЛИЙ (2014–2022)

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 году арктическая политика Китая стала более конкретной. В 2014 году Си заявил, что «Китай должен стать великой полярной державой». В июне 2017 года Арктику включили в глобальную

³Andersson P. The Arctic as a «Strategic» and «Important» Chinese Foreign Policy Interest: Exploring the Role of Labels and Hierarchies in China's Arctic Discourses // Journal of Current Chinese Affairs. 2021. online 03.08.2021. P. 1–27. URL: <https://doi.org/10.1177/18681026211018699> (accessed: 22.19.2023).

китайскую инициативу «Пояс и путь» (BRI), а потенциально перспективные северные морские маршруты получили название «полярный шелковый путь»¹. Однако наиболее важным и заметным событием можно считать публикацию в январе 2018 года «Арктической политики Китая», получившей популярное название «Белая книга» Китая по Арктике. Доктрина, изложенная в этом документе, является новаторской в том смысле, что она не только связывает Арктику с китайской инициативой «Пояс и путь» через морские коммуникации, но добавляет в повествования об Арктике ярко выраженные геостратегические мотивы. В официальной арктической политике Китая Пекин заявляет, что будет «работать со всеми другими странами над построением сообщества единой судьбы человечества в арктическом регионе»². Одним из ключевых драйверов продвижения срочных китайских интересов в регионе стал климатический фактор, связанный с драматическим воздействием глобального потепления на Крайний Север. В Стратегии говорится, что риски, которым подвергается Арктика из-за глобального потепления, делают этот регион важным для всего международного сообщества, а не только для прибрежных стран.

С выработкой данного документа связано появление таких перформативных аспектов китайской полярной политики, как самопровозглашение Китая «ближнеарктическим» (или «околоарктическим») государством. Рядом с этим публичным заявлением стоит самодекларация Китая как «будущей полярной державы». Разумеется, указанные примеры можно назвать скорее риторическими новациями Пекина, нежели понятиями из сферы международных отношений. Тем не менее КНР активно использует эти определения для выражения своих северных амбиций.

Существует два глобальных нарратива Пекина, относящихся к полярному региону. Первый всеобъемлющий рассказ посвящен вызовам прибрежным китайским территориям. Им угрожают мировые катаклизмы: глобальное потепление и вызванное им быстрое таяние арктических льдов. Такая алармистская аргументация особенно настойчиво прозвучала в 2012 году в Монреале на престижной международной конференции:

«Многие китайцы поняли, что если ледяные поля Арктики и Антарктики тают, то последующее повышение уровня моря затронет береговую линию Китая. В результате самые густонаселенные и процветающие регионы страны, такие как Шанхай и Гуанчжоу, окажутся под водой, которая соединяет Арктику и прибрежные районы Китая через пространство океана»³. Аналогичная риторика, но в рамках изложения концепции «Китай как почти арктическое государство» продвигалась китайцами на международном форуме в Рейкьявике.

Второй всеобъемлющий арктический нарратив Пекина заключается в том, что регион Крайнего Севера был объявлен «глобальным общечеловеческим достоянием. Китайские официальные лица и спикеры начали говорить о наднациональной «полярной культуре», которая является достоянием всего мира, а не какой-либо страны. Параллельно делается вывод о необходимости создания «творческой и гармоничной полярной культуры для устойчивости планеты» [Грачиков, Чжоу, 2023, с. 70–83]. Данные заявления демонстрируют всесторонний подход Пекина к региону Крайнего Севера [Guo, Chen, 2012].

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПЕКИНА В «ПОСТФЕВРАЛЬСКИЙ» ПЕРИОД

Термином «постфевральская» Арктика мы обозначаем масштаб и природу изменений, которые произошли в этом мегарегионе после 24 февраля 2022 года.

Вопрос, требующий ответа в рамках данного раздела, заключается в следующем: как российско-украинский конфликт повлиял на текущие стимулы и долгосрочные политические интересы Китая в Арктике? Многие обратили внимание на то, что менее чем за три недели до начала российского СВО на Украине Президент РФ Владимир Путин подписал с Си Цзиньпином в Пекине пакт о безопасности «без ограничений» и «сотрудничестве без границ». Отдельным абзацем совместного заявления двух лидеров стоит фраза: «Стороны согласились последовательно углублять практическую кооперацию в области устойчивого развития Арктики»⁴.

¹China's Arctic Policy. Belt and Road Portal // The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 26, 2018. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/46076.htm>. (accessed: 25.02.2023).

²China's Arctic Policy // The State Council Information Office of the People's Republic of China, January 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 11.12.2022).

³Speech by J. Guide "On China-Nordic Arctic Cooperation" at Arctic Circle. November 1, 2014 // Department of Treaty and Law of Ministry of Foreign Affairs, People's Republic of China. URL: <http://vimeo.com/111294770> (accessed: 10.12.2023).

⁴Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. 4 февраля 2022 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 14.11.2023).

Усиление сотрудничества между Москвой и Пекином в полярном регионе является одним из крупных международных результатов российско-украинского конфликта. Китай получает исторический шанс превратиться в приоритетного партнера России в полярном регионе. Первоначальный паралич и последовавшая деградация Арктического совета можно рассматривать как ключевые события, определившие начало новой позиции Китая в Арктике. Дegradiрующий Арктический совет дает Пекину небывалый прежде шанс реализовать свою полярную политику в следующих направлениях:

- 1) интернационализировать арктический регион, выступая в качестве глобального миротворца;
- 2) укрепить широкое сотрудничество с Россией.

Анализ арктической политики Пекина в «пост-февральский» период будет сосредоточен на двух наиболее значимых вехах – дискуссии на международной конференции «Полярный круг» в Рейкьявике в ноябре 2022 года и стремительном сближении российско-китайских интересов в регионе.

Свою идею интернационализации Арктики китайская сторона проводит через публичные наступательные дискуссии с американской стороной на международных полярных форумах. Главная битва развернулась на солидной международной конференции «Полярный круг», которая состоялась в Рейкьявике в ноябре 2022 года. Глава военного комитета НАТО адмирал Роб Бауэр обрушился с критикой на Россию и Китай, настаивая на опасности наметившегося российско-китайского альянса в Арктике как угрозы международной безопасности в регионе. При этом западная сторона настаивала на том, что российско-украинский конфликт тесно связан с глобальными амбициями России и Китая на Крайнем Севере. Дословно адмиралом было сказано следующее: «В своем совместном заявлении в феврале 2022 года Китай и Россия заявили о планах активизировать сотрудничество в Арктике. Два авторитарных режима, которые не разделяют наших ценностей и не уважают основанный на правилах международный порядок, работают вместе в и без того хрупком регионе. Было бы наивно думать, что российско-китайская координация своих действий на Крайнем Севере и начало российско-украинского конфликта является простым совпадением. Эти события тесно связаны. Сдвиг в российско-китайских отношениях служит замечательным примером того, как события за пределами региона могут влиять на Арктику»¹. В конце своей

речи адмирал призвал китайского посла в Исландии Хэ Рулонга осудить действия России на Украине в связи с началом СВО. Китайский дипломат в своем ответе натовскому адмиралу изложил позицию Пекина в отношении Арктики в новых условиях. Он начал свою речь с того, что охарактеризовал замечания Роба Бауэра как «надменные» и «параноидальные». Хэ Рулонг отметил далее, что Китай позиционирует себя как миротворец в международных делах, включая отношения в полярном мегарегионе. В ответ на призыв осудить действия России на Украине, посол ответил, что Китай рассматривает отдельно такие разные вопросы, как российско-украинский конфликт и арктические дела. Действия НАТО были названы циничными – направленными на превращение двух отдельных и не связанных между собой вопросов (российско-украинский конфликт и ситуацию на Крайнем Севере) – в предмет высокой политики².

Однако эта громкая дискуссия скрывает настоящему переломные тенденции. Кризис арктического международного порядка намного выгоднее для Китая, нежели существование четких правил игры и наличие ясного пути выхода из текущего кризиса. Во время встречи с В. Путиным в марте 2023 года Си Цзиньпин не без удовлетворения отметил, что считает себя не только бенефициаром мировых потрясений, но и одним из их архитекторов³. Что касается Арктики, то обширная полярная география и репутация государства-ревизиониста делают Россию союзником Китая не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе. Россия, исторически ревниво относившаяся к своим национальным интересам в Арктике, после введения западных санкций стала наращивать связи с Китаем в сфере освоения Крайнего Севера.

Разговоры о том, чтобы объединить потенциал Северного морского пути с возможностями китайской инициативы «Один пояс, один путь» (BRI), ходили давно⁴. Однако во время мартовского (2023)

URL: https://www.youtube.com/watch?v=6n6GEu00_dM (accessed: 04.06.2023).

²Admiral Rob Bauer, «NATO and the Arctic» (Arctic Circle 2022: A NATO admiral, Chinese diplomat, and Faroese metal band walk into a concert hall. URL: <https://www.cryopolitics.com/2022/10/19/arctic-circle-2022/> (accessed: 04.06.2023); Seong Hyeon Choi. Western sanctions and distrust draw China, Russia closer in the Arctic // South China Morning Post. July 25, 2023. URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3228477/western-sanctions-and-distrust-draw-china-russia-closer-arctic> (accessed: 17.12.2023).

³Gabuev A. Putin and Xi's Unholy Alliance. Why the West Won't be Able to Drive a Wedge Between Russia and China // Foreign Affairs. April 9, 2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/china/putin-and-xis-unholy-alliance> (accessed: 12.04.2024).

⁴Filippova, L. (2023). China's New Role in the Arctic. Valdai Discussion Club. May 31. Retrieved from <https://valdaiclub.com/a/highlights/china-s-new-role-in-the-arctic/> (accessed: 20.01.2024).

¹Admiral Rob Bauer – Q&A FULL SESSION Admiral Rob Bauer answers questions from the audience at the #ArcticCircle2022. URL: www.arcticcircle.org <https://www.youtube.com/watch?v=DMdxc7nWGg> (accessed: 04.06.2023); Admiral Rob Bauer, Chair of the Military Committee, NATO at the #ArcticCircle2022.

визита китайского лидера в Москву произошло событие, на которое мало кто обратил внимание. Речь идет о решении, которое было озвучено Президентом Путиным в ходе переговоров: «Мы считаем, что сотрудничество с китайскими партнерами в развитии транзитного потенциала Северного морского пути является многообещающим. Как я уже сказал, мы готовы создать совместный рабочий орган по развитию Северного морского пути»¹. Кризис Арктического совета предоставляет Китаю идеальный шанс для совместного с Россией влияния на управление регионом и создания новых норм и правил. Сегодня Пекин не нуждается ни в чьей поддержке для продвижения своих интересов в направлении Северного морского пути. Единственное условие преуспевания Китая в Арктике – это одобрение Москвы. Китай сотрудничает с Россией в регулировании СМП на основе международного морского права и не оспаривает тот факт, что этот район является внутренними водами России. Разумеется, отношения между Россией и Китаем далеко не идеальны, между двумя странами имеются противоречия. Их рассмотрение не входит в нашу задачу, для этого потребовалось бы отдельное исследование. Однако тот факт, что российско-китайское сотрудничество развивается и ускоряется по многим направлениям, похоронил расчеты и усилия Запада по применению старого принципа «разделяй и властвуй» к историческим судьбам России и Китая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аналитический инструментальный и подходы конструктивистской парадигмы и «критической геополитики», несомненно, обладают немалым

познавательным потенциалом для понимания арктической политики Китая. Данные методологии позволили взглянуть на китайскую арктическую политику не только как на процесс, который движется интересами и институтами, но и как на большую дискурсивную стратегию, включающую в себя различные интерпретации, геополитические образы и картографические возможности.

Китай предпринял настойчивые идеологические и доктринальные усилия для того, чтобы подвергнуть публичному пересмотру существующий международный арктический порядок и заявить о своих особых правах на Крайний Север. Как было показано, в центр формирования китайской полярной политики выходят геополитические нарративы, которые позиционируют китайскую арктическую принадлежность и уникальность. В этих нарративах заложено понимание того, как китайские политики, дипломаты и интеллектуалы мобилизуют символические и идейные ресурсы для участия в арктических делах. Благодаря совместным усилиям китайские элиты сделали шаг вперед в создании арктической идентичности и пробуждении северного сознания в китайском обществе. Китай заново «придумывает» Арктику для того, чтобы бросить вызов существующим международным иерархиям в регионе Крайнего Севера.

Российско-украинский конфликт оказал существенное влияние на характер текущих стимулов и долгосрочные политические интересы Китая в Арктике. Дезорганизация международного порядка и упадок полярных институтов стали звездным часом для Китая в реализации своих амбиций на Крайнем Севере. Поворотный момент упомянутого «постфевраля» заключается в том, что эти события были восприняты китайскими аналитиками как «момент стратегической возможности». В контексте этих событий Китай как ревизионистское государство получает свободу дипломатических, политических и экономических действий в Арктике.

¹Russian-Chinese Talks by Vladimir Putin and President of the People's Republic of China Xi Jinping are holding talks at the Kremlin March 21, 2023.
URL: <http://en.kremlin.ru/catalog/persons/351/events/70748> (accessed: 17.11.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Морозов Ю. В. Китай в Арктике: цели и риски для российско-китайских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 21–32.
2. Сюнь С. Мягкая сила Китая в Арктике // Азия и Арктика сегодня. 2019. № 2. С. 53–57.
3. Kirchberger S. China's Maritime Interests in the Arctic Region: Military Capabilities and Possible Intensions // Maritime Security Challenges: Focus High North. Papers from the Kiel Conference / Ed. by S. Bruns, A. J. Neumann. Kiel: Institute for Security Policy Kiel University, 2016. P. 34–46.
4. Конышев В. Н., Кобзева М. А. Политика Китая в Арктике: традиции и современность // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 77–92.

5. Nykänen T. A. Common Heritage: The Place of the Arctic in the Chinese and Finnish Discourses // *Arctic Law and Governance: The Role of China, Finland and the EU* / Ed. by T. Koivurova, T. Qin, T. Nykänen et al. Oxford: Hart Publishing, 2017. P. 131–150.
6. Kuang Z., Ou K. Новая политика Китая в Арктике // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 7. С. 84–91.
7. Yang J. An Interpretation of China's Arctic Policy // *Policy Journal*. 2018. Vol. 26. № 3. P. 1–11.
8. Lackenbauer W., Lajennesse A., Dean R. Why China is not a peer Competitor in the Arctic // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. 2022. September–October. P. 80–97.
9. Бьюкенан Э. Гибридная стратегия Китая в Арктике // *Per Concordiam*. Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы. Европейский Центр им. Маршалла. 2021. Т. 11. № 3. С. 54–60.
10. Onuf, N. *World of Our Making Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. New York: Routledge, 2013.
11. Lindemann, Th. The Case for an Empirical and Social-Psychological Study of Recognition in International Relations // *International Theory*. 2013. № 5 (1). P. 473–492.
12. Agnew, J. et al. Geopolitics at 25: An Editorial Journey Through the Journal's History. Special Section: Domesticating Geopolitics // *Geopolitics*. 2020. Vol. 25. № 5. P. 1199–1227.
13. Wright D. China's Growing Interest in the Arctic // *Journal of Military and Strategic studies*. 2013. Vol. 15. № 2. P. 50–70.
14. Lanteigne M. Walking the Walk: Science Diplomacy and Identity-Building in Asia-Arctic Relations // *Jindal Global Law Review*. 2017. Vol. 8. P. 87–101.
15. Wright T. China's New Arctic Stratagem: A Strategic Buyer's Approach to the Arctic // *Journal of Military and Strategic Studies*. 2013. Vol. 15. № 1. P. 1–36.
16. Грачиков Е. Н., Чжоу С. Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 8. С. 70–83.
17. Chen G. China's Emerging Arctic Strategy // *The Polar Journal*. 2012. № 2. P. 358–371.

REFERENCES

1. Morozov, Yu. V. (2016). China in the Arctic: Goals and Risks for Russian-Chinese Relations. *Problems of the Far East*, 5, 21–32. (In Russ.)
2. Xun, S. (2019). China's Soft power in Arctic. *Asia and the Arctic Today*, 2, 53–57. (In Russ.)
3. Kirchberger, S. (2016). China's Maritime Interests in the Arctic Region: Military Capabilities and Possible Intensions. *Maritime Security Challenges: Focus High North* (pp. 34–46). Papers from the Kiel Conference. Ed. by S. Bruns, A. J. Neumann. Kiel: Institute for Security Policy Kiel University.
4. Konyshov, V. N., Kobzeva, M. A. (2017). China's Policy in the Arctic: Traditions and Modernity. *Comparative Politics*, 8(1), 77–92. (In Russ.)
5. Nykänen, T. (2017). A Common Heritage: The Place of the Arctic in the Chinese and Finnish Discourses. In T. Koivurova, T. Qin, T. Nykänen et al. (eds). *Arctic Law and Governance* (pp. 131–150): The Role of China, Finland and the EU. Oxford: Hart Publishing.
6. Kuang, Z., Ou, K. (2019). China's New Arctic Policy. *World Economy and International Relations*, 63(7), 84–91. (In Russ.)
7. Yang, J. (2018). An Interpretation of China's Arctic Policy. *Policy Journal*, 26(3), 1–11.
8. Lackenbauer W., Lajennesse A., Dean R. (2022). Why China is not a peer Competitor in the Arctic (pp. 80–97).. *Journal of Indo-Pacific Affairs*. September–October.
9. Buchanan, E. (2021). China's Hybrid Arctic Strategy. *Per Concordiam*. *Journal of European Security and Defence*. European Center named after Marshall, 11(3), 54–60. (In Russ.)
10. Onuf, N. (2013). *World of Our Making Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. New York: Routledge.
11. Lindemann, Th. (2013). The Case for an Empirical and Social-Psychological Study of Recognition in International Relations. *International Theory*, 5(1), 473–492.
12. Agnew, J. et al. (2020). Geopolitics at 25: An Editorial Journey Through the Journal's History. Special Section: Domesticating Geopolitics. *Geopolitics*, 25(5), 1199–1227.
13. Wright, D. (2013). China's Growing Interest in the Arctic. *Journal of Military and Strategic studies*, 15(2), 50–70.
14. Lanteigne, M. (2017). Walking the Walk: Science Diplomacy and Identity-Building in Asia-Arctic Relations. *Jindal Global Law Review*, 8, 87–101.

15. Wright, T. (2013). China's New Arctic Stratagem: A Strategic Buyer's Approach to the Arctic. *Journal of Military and Strategic Studies*, 15(1), 1–36.
16. Grachikov, E. N., Zhou X. (2023). National Interests of China: connotations, hierarchy, balancing. *World Economy and International Relations*, 67(8), 70–83. (In Russ.)
17. Chen, G. (2012). China's Emerging Arctic Strategy. *The Polar Journal*, 2, 358–371.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Магомедов Арбахан Курбанович

доктор политических наук

главный научный сотрудник

профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики

Российского государственного гуманитарного университета

профессор кафедры зарубежного регионоведения

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Magomedov Arbakhan Kubranovich

Doctor of Political Sciences (Dr. habil.)

Senior Research Fellow

Professor of Department of International Relations and Foreign Regional Studies

Russian State University for the Humanities

Professor of Department of Foreign Regional Studies

Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

03.03.2025
12.04.2025
04.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication